

ИННОКЕНТИЙ ФЁДОРОВИЧ АННЕНСКИЙ

(1855—1909)

И. Ф. Анненский.
80-е гг. XIX в.

Когда в 1904 г. вышла книга стихов «Тихие песни», на обложке вместо имени автора стояло: «Ник Т—о». Большинство посчитали, что этот псевдоним — простое сокращение не вполне «поэтической» фамилии (что-нибудь вроде Николай Терещенко). Но люди образованные не могли не догадаться, что псевдоним с намёком. «Никто» — так назвал себя хитроумный Одиссей, чтобы избежать неминуемой гибели, когда попал в пещеру циклопа Полифема. Автор, очевидно, имел прямое отношение к античной культуре. Но Анненский (а это был он) лишь частично скрылся за таинственным «Никто»: пять букв извлечены из собственного имени поэта — Иннокентий. И всё же современникам этого «шифра» оказалось недостаточно, чтобы угадать автора, хотя Анненский к тому времени был известным педагогом, филологом, специалистом по античной литературе и переводчиком.

Возможно, он не решился поставить на поэтическом сборнике своё имя потому, что для дебютанта был слишком немолод — ему скоро должно было исполниться пятьдесят. Рецензенты же приняли «Ник Т—о» за начинающего. И, разумеется, это во многом определило тон отзывов. Брюсов позволил себе опуститься к молодому поэту не без некоторого снисхождения: «Это ещё не поэзия, но уже предчувствие поэзии», хотя не преминул заметить, что в авторе «Тихих песен» уже «есть художник». Блоку книга понравилась, но похвалы его прозвучали довольно сдержанно. Он отметил и «хрупкую тонкость», и «настоящее поэтическое чутьё», но и «невзрачный эпиграф», и «наивное безвкусице некоторых строк», и «сомнительный псевдоним».

В письме к своему знакомому, поэту Георгию Чулкову, Блок писал, что в отзыве на книгу «Ник Т—о» он «старался быть как можно суше», и тут же признавался: «...но, мне кажется, это настоящий поэт, и новизна многого меня поразила».

Осторожность Блока объяснима. Анненский — педагог, филолог и переводчик Еврипида. Анненский — критик и «Ник Т—о» для большинства современников не сводились в единое целое. Некоторые сумели за многими проекциями разглядеть одно лицо лишь в последний год жизни Анненского. Большинство же и того позже — после его смерти.

ДО ПОЭЗИИ

Иннокентий Фёдорович Анненский родился в Омске, в семье начальника отделения Главного управления Западной Сибири Фёдора Николаевича Анненского. Детские годы поэта, до переезда в Петербург, проходили в Омске и Томске, но они не оставили заметного следа в его памяти. Все стёрлось первым серьёзным испыта-

нием — тяжёлой и долговременной болезнью.

Будущие исследователи заметят, как часто в стихах Анненского появляется слово «сердце». И конечно, связано это не только с темой душевных переживаний. «Синтаксис его так же нервен и богат, как его душа», — сказал однажды об Анненском поэт Николай Гумилёв. И несомненно, такой синтаксис отразил перебои действительно большого сердца

■ Эпиграф к «Тихим песням» И. Ф. Анненский взял из собственного неопубликованного стихотворения: «Из заветного фидала / В эти песни пролила, / Но — увянет не красота. / Только мука идеала» (фидал — у древних греков чаша для пиров, украшенная орнаментом).

Ник Т—о.
«Тихие песни». 1904 г.

Н. А. Бенья. Портрет И. Ф. Анненского. 1909 г.

■ Н. К. Михайловский (1842–1904) — публицист, литературный критик, народник. Один из редакторов журналов «Отечественные записки» и «Русское богатство».

Мужская Николаевская гимназия в Царском Селе.

поэта. С детских лет он жил на грани «бытия» и «небытия» (этот смысл в имени «Никто» тоже содержится). Во втором стихотворении из книги «Тихие песни»:

*Но где светил погасших лик
Остановил для нас течение,
Там бесконечность — только миг,
Дробимый молнией мученья, —*

в мгновенной «молнии мученья» он предвосхитил неожиданную (молниеносную) остановку своего сердца.

Перенесенная в детстве болезнь определил всё течение жизни: хрупкость, одиночество, рано пробудившую охоту к чтению. «Я рос почти без товарищей, среди людей, которые были старше меня... — писал Анненский в автобиографии 1874 г. — Самое свойство моего организма делало меня менее подвижным и отчасти более солидным сверстников». Учёба в частных школах и гимназиях, при невероятном интересе к знаниям и настойчивости, требовала от большого мальчика чрезмерных физических усилий и потому чередовалась с домашним образованием. Его наставником был старший брат Николай Фёдорович, человек редкой образованности, в будущем — известный экономист, публицист, общественный деятель, вместе с В. Г. Короленко и Н. К. Михайловским издававший

журнал «Русское богатство». Влияние брата, как и влияние его жены Александры Никитичны, детской писательницы и переводчицы, скажется и в творчестве Анненского, и в его отношении к своим литературным опытам.

В автобиографической заметке, опубликованной уже после его смерти Анненский вспомнит друзей, которые тоже писали стихи и прилагали немало усилий, чтобы напечататься. И даже кое-кого добились. Он мог легко последовать их примеру — но: «я твёрдо держался глубоко запавших мне в душу слов моего брата Николая Фёдоровича: „До тридцати лет не надо печататься“, и довольствовался тем, что знакомые девицы переписывали мои стихи и даже... учили эту чепуху наизусть».

С 1879 г. начинается педагогическая деятельность Анненского — преподавание древних языков в одной из петербургских гимназий. К тому времени он закончил историко-филологический факультет Петербургского университета, стал главой семейства, приняв на себя заботу о двух пасынках.

Его статьи о Н. В. Гоголе, М. Ю. Лермонтове, И. А. Гончарове, рецензии на филологические труды обращают на себя внимание литераторов. Конечно, жизненный путь определился окончательно: филология, преподавание классических языков. Но рядом с внешней биографией шла и внутренняя. Его любовь к поэзии, античности и собственные устремления «слагать стихи» разрешились в замысле, который на долгое время стал главным делом жизни, — переводе на русский язык всего Еврипида. Первые шаги на этом поприще были сделаны во время недолгого, с 1891 по 1893 г., пребывания в Киеве. И уже через несколько лет, по возвращении Анненского в Петербург, начнутся публикации переводов и статей о великом древнегреческом трагике.

В 1896 г. он получает новое назначение: становится директором мужской гимназии в Царском Селе. Эта должность сыграет в его поэтической судьбе роль чрезвычайно важную.

«ОТЕЧЕСТВО НАМ — ЦАРСКОЕ СЕЛО»

*Был Иннокентий Анненский последним
Из царскосельских лебедей... —*

эти слова Николая Гумилёва не просто дар признательности ученика учителю. Иннокентий Анненский для него не только педагог и директор гимназии, в которой Гумилёв учился. Среди поэтов старшего поколения Анненский — последний «царскосель».

«Отечество нам — Царское Село» — знаменитые слова Пушкина обрели в истории русской литературы особый

смысл. Царское Село стало отечеством не только для него и его друзей, но и для русской поэзии. Для лицезинтов писать стихи было традицией.

Традиция сохранялась и в конце XIX — начале XX столетия. Не случайно в спорах о поведении того или иного ученика слова «он пишет стихи» для Анненского имели решающее значение: юноша, любящий поэзию, не может быть плохим человеком.

Это, наверное, самые отрадные годы жизни поэта. Он создаёт трагедии на античных сюжеты: «Меланиппа-философ» (1901 г.), «Царь Иксион» (1902 г.), «Лаодамия» (1906 г.), первую

■ Известный сатирик, «непопсовый» в своей прозе, но воспитанник Царскосельского лицей, М. Е. Сальков-Щербин признался в автобиографии, что и он отдал дань сочинению стихов.

АННЕНСКИЙ И СИМВОЛИСТЫ

Имя Анненского часто называют в ряду русских символистов. Но далеко не все историки литературы готовы согласиться с таким взглядом на творчество поэта. «Голос вне хора», — сказал об Анненском филолог и мыслитель Михаил Бахтин.

Многое действительно сближает автора «Кипарисового ларца» с симво-

листами, но почти всегда при чтении его произведений чувствуешь и ту грань, которая Анненского от них отделяет. Символисты считали главной задачей поэта за пеленой реальности разглядеть мир иной, «реальнейший», мир вечных сущностей (см. статью «Символизм»). Как же Иннокентий Анненский относился к этим устремлениям и чаяниям символистов?

В 1913 г., уже после смерти поэта, вышла его трагедия «Фамира-кифаред», где в античный сюжет Анненский вложил своё понимание искусства. Согласно древнему мифу, Фамира, которого греки считали начинателем эпической поэзии, свалился игрой на кифаре (музыкальный инструмент, подобный лире. — *Прим. ред.*).

Среди земных соперников он не имел равных. И вот он отваживается бросить дерзкий вызов музам — за поражение готов заплатить любую цену, в случае победы — хочет стать их возлюбленным. Проигравшего в состязании Фамиру музы лишили дара пения, умения играть на кифаре и, вдобавок, ослепили.

Этот античный сюжет у Анненского прочерчен и сложнее, и тоньше. Фамира тянется к музыке неземной — именно потому он и хочет состязаться. Но услышав её, он отказывается играть, создавая своё поражение. Его лишают музыкального дара. И уже сам Фамира, поняв, что высшее наслаждение его жизни — однажды услышанная

А. А. Экстер. Эскиз костюма к спектаклю «Фамира-кифаред» по пьесе И. Ф. Анненского. 1916 г.

А. А. Экстер. Афиша к спектаклю «Фамира-кифаред» по пьесе И. Ф. Анненского. 1916 г.

неземная гармония — ушло безвозвратно, лишает себя зрения.

Анненский здесь и соглашается с устремлениями символистов, и возражает им. Да, есть «высшая реальность» — мир незримый и земным слухом не улавливаемый. И нельзя отказаться от стремления к «непознанному»: человеку свойственно искать «божественный глагол». Но в своих исканиях он обречён — достичь божественного ему не дано. Поэт способен иногда уловить лишь слабые веяния этой высшей реальности, всматриваясь и вслушиваясь в окружающий мир или в себя самого.

*Не мерещится ль вам иногда,
Когда сумерки ходят по даму,
Тут же возле иная среда,
Где живём мы совсем по-другому?*

*С тенью тень там так мягко слылась,
Там бывает такая минута,
Что лучами незримыми глаз
Мы уходим друг в друга как будто.*

*И движеньем спугнуть этот миг
Мы боимся, иль словом нарушим,
Точно ухом кто возле присиик,
Заставляя далёкое слушать.*

«Свечку внесли», 1904 г.

Здесь схвачено чувство, наступающее человека, когда глаза ничего

«ЦАРЬ ЗМЕИ РАЗДАВИТЬ НЕ СУМЕЛ...»

Человек энциклопедических знаний, Анненский обладал душой бесконечно сочувствующей чужой боли. Быть может, поэтому в его творчестве совместились сострадание к «маленькому человеку» — герою прозы XIX в. и редкая, аристократическая, изысканная утонченность. Когда эти черты, как лучи, проходящие сквозь линзу, сошлись в одной точке, на свет появились стихотворение «Петербург» (1910 г.):

*Жёлтый пар петербургской зимы,
Жёлтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.*

Э. М. Фальконе. Памятник Петру I в Петербурге («Медный всадник»).

*Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.*

*Только камни нам дал чародей,
Да Неву бурю-жёлтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.*

*А что было у нас на земле,
Чем вознёсся орел наш двуглавый,
В тёмных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.*

*Уж на что был он грозен и смел,
Да скажут его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.*

*Ни кремлей, ни чудес, ни святень,
Ни миражей, ни слёз, ни улыбки...
Только камни из мёрзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.*

*Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравя бесплодных хотений.*

В этом стихотворении тоска разединения — имущественного, национального («Я не знаю, где вы и где мы») — ещё более усилена тем, что противоположности — сосуществуют («Только знаю, что крепко мы слиты»).

В нескольких строках всплывают: указы Петра I, его настойчивое возведение новой столицы наперекор всему: природной стихии (она отзовётся наводнениями и волдой «буро-жёлтого цвета»), стихии войны («Потопить ли нас шведы забыли?»), народной стихии (бунты и революции, после которых «...пустыни немых площадей, / Где каз-

нили людей до рассвета»). Вместо легенды, одухотворяющей историю города, — страшные страницы истории («Вместо сказки в прошедшем у нас / Только камни да страшные были»).

Ещё при жизни Петра сложилось поверье, что он «царь-антихрист», а городу, который стоит на костях своих строителей, «быть пусто». Петербург не вырастал, как другие города, вокруг кремля («Ни кремлей, ни чудес, ни святень...»). Он строился волею царя («Сочинил ли нас царский указ?»). Роль кремля взяла на себя Петропавловская крепость, где находилась тюрьма.

«Медный всадник» — памятник Петру. Бронзовый царь верхом на вздыбленном коне. Задние копыта коня делят змею — символ стихии, которая «обязана» ступать перед императорской волей. В стихотворении Анненского этот символ раскрыт неожиданно и страшно: «Царь змеи раздавить не сумел...». Не потому ли тень мрачного пророчества упала на строки: «В тёмных лаврах гигант на скале, — / Завтра станет ребячьей забавой».

Семь четверостиший вобрали в себя и многочисленные литературные эхо («Медный всадник» Пушкина, петербургские повести Гоголя, образ Петербурга у Достоевского), и всю историю Российской империи, начиная с Петра Великого.

Стихотворение написано очень плотно, что в каждой строке отзвучиваются все другие строки. И за ними — Империя, живущая странной судьбой, «по указу», где совершенно ясно только «сознание проклятой ошибки». И даже единственное действительно чудо Петербурга — белые ночи — превращается в «отраву бесплодных хотений», подчёркивая безсмысленность русской истории послепетровского периода.

не могут различить. Когда невероятно обостряется слух — и в случайном шелесте, и в шуме собственной крови, собственного дыхания мерещится присутствие кого-то неизвестного, также молчаливо слушающего каждый твой шорох.

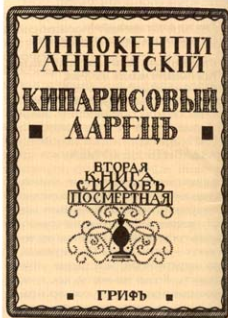
Мир поэзии Анненского всегда находится на близком расстоянии и узнаётся наощупь. Эта заданная поэтом «близорукость» позволяет быть чутким к каждому душевному движению и каждой детали. Критик Георгий Адамович напишет: «Ни у одного русского поэта нет в стихах такой зоркости к мелочам жизни, такого кропотливого реализма». Но реализм его часто оказывается на грани невозможного: у Анненского одушевлён мир предметов.

В стихотворении «То было на Валлен-Коски» (1906 г.) — о кукле, которую ради потехи зрителей бросают в водопад, говорится как о живом существе, наделённом способностью страдать. Обладает душой и обломок статуи в глубине фонтана, вспоминаящий «...небо, зигзаги полёта, / Белый мрамор, под ним водоём...» («Я на дне», 1906 г.).

В стихах Анненского мучаются, тоскуют не только люди, но и всё, что есть в мире. Это чувство переводит «реализм» поэзии Анненского в иной план. Любое существо, любая часть мира тоскует по чему-то высшему, по связи своего со всем. Если вспомнить, что «религия» (religio) в буквальном смысле этого слова означает «связь», то нельзя не признать — в такой тоске светится религиозное чувство.

Мотивы муки, тоски проходят сквозь всю поэзию Анненского, о чём говорят названия стихотворений: «Тоска возврата», «Тоска мимолётности», «Тоска маятника», «Тоска медленных капель», «Мучительный сонет», «Второй мучительный сонет» и т. п. В каждом — тоска части по Целому или мгновения по Вечности. Но в самой тоске (пусть на «миг, дробимый молнией мученья») оживает их связь или хотя бы её след.

Одиночество Анненского-поэта обострило в нём чувство тоски от всеобщей разобщённости. Творче-

ство для него — неосуществимое желание воссоединения с миром. А процесс создания стихов — мука и боль, о чём сам Анненский сказал в стихотворении «Смычок и струны»: «И было мукою для них, / Что людям музыкой казалось». Но через эту боль позь и может созреживать, делить боль и муку другого.

Одно из широко известных стихотворений Анненского — «Старые эстонки» (1907 г.), подзаголовок его — «Из стихов кошмарной совести». В нём отразились впечатления от событий первой русской революции. Поэт не даёт портретов расстрелянных — только их матерей, старых эстонок: Герой Анненского, чьи сны «паутины и тонки», вроде бы ни в чём не виноват: «Я, напротив, я очень жалел их, / Прочитав в сердобольных газетах. / Про себя я молился за смелых...». Но он мучается боязнью услышать или прочесть в лицах старых эстонок приговор себе. Слова и ритм монотонных фраз погружают читателя в немоту кошмара. Стихотворение медленно наливаясь тёмной жутью. И, как обычно происходит в страшных снах, слова, которые человек боится услышать, его настигают:

И. Анненский.
«Кипарисовый ларец».
1910 г.

Н. Церетели в роли
Фамиры. 1916 г.

*Затрясли головами эстонки.
Ты жалеял их. Но что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки,
И ни разу она не сжималась?*

*Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовней!
Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней!..*

Часто в образе героя стихотворения видят образ кающегося человека, который своим бездействием позволяет осуществиться злу в этом мире. Но, конечно, в стихотворение вложен более глубокий смысл, созвучный известным словам Достоевского: каждый «за всё виноват».

ЛИКИ АННЕНСКОГО

В письме Максимилиану Волошину Анненский написал фразу, которая на редкость точно высветила одну из главных особенностей его поэзии: «...самое *страшное* и *властное* слово, т. е. самое *загадочное* — может быть именно слово — *будничное*». Будничное, прозаическое слово в стихах самого поэта звучало с неожиданной остротой. Не случайно наиболее чуткие критики будут сравнивать его поэзию с прозой Чехова и Гоголя.

Анна Ахматова, читавшая вторую книгу стихов Анненского, «Кипарисовый ларец», ещё до выхода в свет, была поражена силой этой поэзии и её новизной. Через много лет, уже зная и «Посмертные стихи Ин. Анненского» (1923 г.), Ахматова воскликнет: «...он шёл одновременно по стольким дорогам! Он нёс в себе столько нового, что все новаторы оказывались ему сродни». Поэзия Анненского предвосхитила появление акмеистов (см. статью «Акмеизм»), зрелую лирику Гумилёва, Ахматовой, Мандельштама. Много «анненского» можно найти у столь разных поэтов, как Владислав Ходасевич, Борис Пастернак, Георгий Адамович, Георгий Иванов (см. статью «Литература русского зарубежья»), и даже у крайних футуристов (см. статью «Футуризм»). В «Шариках детских» (1909 г.) можно разглядеть будущего Маяковского:

*Эй, лисья шуба, коли есть лишни,
Не пожалей пятишини:
Запуцуй под самое небо —
Два часа потом глазей, да в оба!*

Стихотворение «Колокольчики» (1906 г.; оно вошло в посмертный сборник 1923 г.) — словно предчувствие «зауми» Велимира Хлебникова (см. статью «Велимир Хлебников»):

*Дивь—дивь—дивь,
Дивы—дивы...
Диво Лудо, Диво Лудо,
Лиду диду ладили,
Диди Лиде ладили,
Ладили, не сладили,
Диду надосадили.*

Если рядом положить стихотворение «Среди миров» («Среди миров, в мерцании светил / Одной Звезды я повторяю имя... / Не потому, чтоб я её любил, / А потому, что я томлюсь с другими»), ставшее известным романсом, то нельзя не повторить вслед за Ахматовой: «...он шёл одновременно по стольким дорогам!».

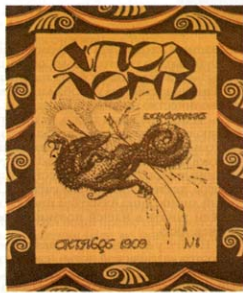
ПОСЛЕДНИЙ ГОД

В марте 1909 г. к Анненскому на квартиру приезжают Максимилиан Волошин и Сергей Маковский, сын

■ Пятишиня — пять копеек.

«...Можно ли было догадаться о том, что этот окружной инспектор и директор гимназии, этот постромодернист, этот критик, заинтересованный ритмиком Фальмонета, этот знаток французской литературы... этот переводчик Есенинда — всё одно и то же лицо? Для меня здесь было около десятка различных лиц, друг с другом не связанных ни своими интересами, ни возрастом, ни характером деятельности, ни общественными положениями.»

М. А. Волошин

Журнал «Аполлон», 1909 г., №1.

Царскоесельский
(ныне Витебский)
вокзал.
Санкт-Петербург.

известного художника, издатель и литератор. Их цель — организация нового журнала. Он получит название «Аполлон» и прочно войдёт в историю русской литературы. Для журнала с античным названием нужен авторитетный филолог-классик. Выбор пал на Анненского.

На исходе жизни Анненский попал наконец в литературную среду. Он шагнул сюда сразу — как всеми признанный авторитет. Кажется, этот

год обещал быть из самых удачных: весной 1909 г. выходит «Вторая книга отражений», в сентябре ставится трагедия Еврипида «Ифигения в Авлиде» в переводе Анненского, подготовлена и вот-вот должна появиться вторая книга лирики — «Кипарисовый ларец».

Но статья «О современном лиризме», напечатанная в первых номерах «Аполлона», своим тоном обидела многих известных поэтов и доставила Анненскому немало неприятностей. Сергей Маковский, нарушив своё обещание, откладывает публикацию уже набранного для второго номера цикла стихотворений поэта.

Писатель Иннокентий Анненский вызревал вдали от литературной жизни. Он тянулся к ней, мечтал о ней, не зная в полной мере, что происходит за кулисами. Он рванулся в неё и сорвался. Она оказалась мельче его ожиданий.

30 ноября 1909 г. Анненский читал лекции на Высших женских курсах. Вечером ему предстояло делать доклад в Обществе классической филологии, который так и не состоялся: в плотно запахнутой шубе, с портфелем в руке, в котором лежала рукопись доклада, он упал у самого подъезда Царскоесельского (ныне Витебского) вокзала, скончавшись от внезапного паралича сердца.

Внезапный уход поэта ошеломил многих. «Смерть Анненского, о которой я узнал только из твоего письма, очень поразила меня, — писал Блок жене из Варшавы. — На нём она не была написана — или я не узнал её».

Панихида собралась у гроба Анненского множество народу. Поражало огромное количество никому не известных людей. «...Какие-то бедно одетые старушки, — вспоминал сын поэта, — простолюдины какие-то, нахмуренные молодые люди, которые затем желили непременно поглядеться с моей матушкой и долго и бессвязно её за это благодарили». Здесь было много людей из высших чинов в парадных мундирах, толпы учащейся молодёжи. Похороны соединили разные слои русского общества: хоронили одного из замечательнейших педагогов, деятеля культуры и учёного. Но мало кто знал, что из жизни ушёл великий лирик. Анна Ахматова писала о нём позднее: «Убедена, что Анненский должен занять в нашей поэзии такое же почётное место, как Баратынский, Тютчев, Фет».

В 10-х гг. у Анненского появятся ревностные последователи. В 30-х гг. среди поэтов «парижской ноты» (см. статью «Литература русского зарубежья») Анненский станет своего рода знаменем. Но ему самому удалось заставить лишь первые проблески литературной известности.

И. Ф. Анненский.

